

УДК 811.161.1'373

doi: 10.18101/1994-0866-2017-3-29-37

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКОГО РОМАНА А. А. БАЛЬБУРОВА
«ПОЮЩИЕ СТРЕЛЫ»)

© *Егодурова Виктория Макаровна*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: egodurova52@mail.ru

Статья посвящена выявлению региональных особенностей русского языка в тексте художественного произведения. Проведен анализ языка художественного произведения, написанного бурятским писателем на русском языке, использующего элементы из контактирующего с русским языком бурятского языка. Анализ показывает, что роман бурятского писателя А. А. Бальбурова «Поющие стрелы» может быть достоверным источником для исследования регионального варьирования русского языка, поскольку сознательное, художественно мотивированное употребление автором заимствованных слов является средством для реалистичного описания событий, происшедших в бурятской деревне. Использование заимствований позволяет в деталях воссоздать традиционный самобытный уклад жизни бурят, а также описать ситуации межязыковых контактов героев романа — носителей бурятского и русского языков. Исследование приводит к выводу о том, что язык романа «Поющие стрелы», использующий безэквивалентную бурятскую лексику для иллюстрации территориальной картины мира, является отражением региональных особенностей русского языка.

Ключевые слова: региональный русский язык; Байкальский регион; русскоязычная литература; писатели-билингвы; маркеры регионального русского языка; национальная картина мира; безэквивалентная бурятская лексика; бытовая лексика; национальный колорит; территориальное варьирование русского языка.

В последние годы в отечественном языкознании наблюдается интерес к исследованию региональных языковых вариантов русского языка. Многонациональный состав обширного пространства России стимулирует исследования русского языка, распространенного на всей территории Российской Федерации в иноязычном окружении. Учеными отмечаются характерные заметные для говорящих отличия в составе, свойствах, функциях и употреблении языковых средств, которые обнаруживаются в повседневно-разговорной литературной речи и находят отражение в местных нормах литературного языка.

Функционирование русского языка и форм его реализации в Бурятии традиционно привлекало интерес исследователей [4]. Как показывают наши исследования, в настоящее время русский язык, функционирующий на территории Байкальского региона, — это прежде всего литературный язык, в котором находят отражение региональные черты. Слова, употребляемые в региональном варианте русского языка из контактирующего с ним бурятского языка, составляют пласт слов с национально-культурной семантикой. Некоторые

слова бурятского происхождения можно отнести к полностью освоенной заимствованной лексике, поглощенной русским языком, ассимилировавшей в нем. Они прочно вошли в функционирующий на территории Байкальского региона русский язык вместе с теми реалиями, которые они обозначают, являются общеупотребительными региональными словами, поэтому естественно употребляются в литературном русском языке в разных функциональных стилях как устной, так и письменной речи: в СМИ, художественных произведениях, официально-деловой речи, бытовой речи на территории Бурятии.

К ним относятся слова-этнорегионализмы — наименования предметов и явлений традиционного быта: пищи (*позы (буза), саламат, бұхэлэр, шулэн, арса, тарак, архи, аришан*); жилища (*юрта*); музыкальных инструментов (*хур*); религиозного культа, обрядов (*дацан, лама, шаман, обо, онгон, тайлган*); государственных органов, лиц по социальному положению (*хурал, нойон*); праздников (*сагалган, сурхарбан*); одежды (*унты*). Некоторые из этих слов являются ценностно-окрашенными для всех жителей Бурятии: *сагалган, сурхарбан, хурал, дацан, Байкал, Аришан, Селенга, Уда, Улан-Удэ, Саяны*.

В русский язык эти слова вошли потому, что не имеют эквивалентов в нем. Они распространены и частотны, вносят особую фоновую информацию в русский язык, функционирующий на территории Бурятии. Для жителей региона они не несут оттенка экзотичности, употребляются в русской речи естественно, так как обозначают реалии, привычные в среде проживания человека. Вряд ли эти слова можно назвать экзотическими, так как они обозначают реалии российской действительности, известны жителям региона, в котором большую часть населения составляют русские.

Значительный объем фоновой информации содержат и имена собственные одушевленных и неодушевленных предметов: собственные имена этнических бурят, собственные наименования мест социально-культурного, бытового назначения, образовательных учреждений, номинации городских объектов (эргонимы), названия издательств, вывески, плакаты и т. д. [3].

Отражением живых процессов, происходящих в русском языке, может выступать русскоязычная литература России, возникшая как результат межъязыкового и межкультурного синтеза в условиях взаимодействия народов, населяющих множество регионов России. Язык художественной литературы, свободно использующий элементы из территориальных, социально-профессиональных диалектов и просторечия, т. е. из нелитературных разновидностей общенародного языка, может быть достоверным источником для его исследования, поскольку сознательные, художественно мотивированные отклонения от нормы на уровне языковых единиц являются нормой организации художественного текста.

Особый интерес представляет творчество национальных русскоязычных писателей, в произведениях которых своеобразно сочетается самобытность стиля, неповторимость «восточного» взгляда на жизнь, благодаря которым создается особый художественный мир, возникает национальная картина мира. В немногочисленных работах, посвященных их творчеству, исследуются разные аспекты, проблемы билингвальной основы художественного текста в

литературоведческом аспекте. В качестве лингвистического объекта художественный текст писателя-билингва пока остается малоизученным.

Задачей нашего исследования является изучение того, как отражаются в языке романа А. А. Бальбурова «Поющие стрелы» особенности регионального функционирования русского языка, какие лексические единицы, употребляемые в тексте, выступают маркерами регионального русского языка, какую роль играет региональная лексика, употребленная в данном тексте.

Для воссоздания региональной языковой картины мира (далее — ЯКМ) особенно важны данные конкретного языка, конкретной территории, конкретного отрезка времени. По мнению И. С. Гальченко, описавшего региональную лексику Северного Кавказа [2], регионализмы употребляются в речи носителей русского литературного языка в определенном регионе, но известны также историкам, географам, альпинистам. Под русскими регионализмами исследователь понимает заимствованные слова из языков народов России, которые для жителей других территорий будут обладать экзотической окраской, потому что их информированность о названной реалии поверхностна.

Русскоязычный роман писателя-билингва А. А. Бальбурова «Поющие стрелы» отражает национальную картину мира бурятского народа [1]. Для того, чтобы достоверно передать в художественном тексте региональную языковую картину мира и особую языковую ситуацию Байкальского региона, автор использует безэквивалентную бурятскую лексику. На протяжении всего романа вводится национально-культурная лексика, обозначающая местные реалии, быт народа, актуальные для данного региона. Знакомя читателя с бытом бурятской деревни начала прошлого века, автор использует безэквивалентные слова-реалии, которые позволяют погрузить читателя в события бурятской деревни дореволюционного времени. Это прежде всего имена существительные, номинации реалий определенного периода.

Введение национально-культурной бурятской лексики в ткань языка романа не спонтанно, употребление ее позволяет воссоздать достоверную ситуацию межъязыкового контактирования носителей бурятского и русского языков. Каждое иноязычное слово автор использует осознанно, ситуативно определяя его место как средства для реалистичного описания событий начала прошлого века в бурятской деревне. Участниками описываемых автором событий становятся носители разных культур: русской и бурятской, поэтому употребление безэквивалентной бурятской лексики в русскоязычном тексте для достоверности описания вполне оправданно. Вводя безэквивалентную бурятскую лексику в текст произведения для описания различных ситуаций, автор постоянно как бы видит перед собой своего читателя и, стремясь к точности восприятия им содержания, либо дает переводы безэквивалентных слов, либо дает их описание, либо то и другое одновременно. Описание носит лингвокультурологический характер, автор объясняет понятие, выражаемое словом, в контексте культурных обычаев и традиций. Некоторые слова автор употребляет без пояснений, часть из них — это слова, прочно вошедшие в состав регионального русского языка и не вызывающие трудностей в понимании на территории Байкальского региона. Но все же большую часть слов автор поясняет для русскоязычного читателя.

Так, например, описывая ситуацию, когда местный житель бурят Михаил Дорондоев знакомит русского поселенца с культурными традициями бурятского народа, автор вводит безэквивалентные слова (далее — БЭС) *тарак*, *саламат* и поясняет их. Угощая Савелия Николаевича, Михаил Дорондоев говорит: «Могут поставить *тарак* — это специальным образом проквашенное вареное молоко, могут поставить на стол творог... Перед вами *саламат*. Это самое любимое блюдо у бурят» [1, с. 63] (далее ссылки на издание будут даны в тексте с указанием страницы в круглых скобках). Хозяин, демонстрируя уважение к гостю, принимает его по обычаю и угощает *тараком* и *саламатом*. При этом он объясняет, как готовится *тарак* и что *саламат* — любимое блюдо у бурят. В словаре К. М. Черемисова: *тараг* — простокваша [5, с. 414].

Мы произвели выборку безэквивалентной лексики из романа «Поющие стрелы» и разделили ее по тематическим группам. Одной из лексических групп, отражающих региональную картину мира, является бытовая лексика. Для анализа мы представим БЭС в контексте, затем дадим его толкование по словарю К. М. Черемисова.

Бытовая лексика представлена в романе следующими группами слов:

- названия *пищи*, *питья*, например:

«Ута Мархас сразу определил, что это мясо *хасурги*, то есть полугодовалого барашка, и ему выпала честь взять грудинку и лопатку» (с. 77). Автор поясняет БЭС «хасурга» через приложение: полугодовалый барашек. В словаре К. М. Черемисова слово отсутствует.

«*Архи* с каждой минутой усиливало их веселое настроение» (с. 145). БЭС «архи» автор не поясняет. В словаре К. М. Черемисова: *архи* — молочная водка [5, с. 60].

«...сороки начинают стрекотать еще задолго до того, как освежают *уеу* — предназначенного на забой коня» (с. 145). Автор поясняет слово «уса» распространенным определением. В словаре К. М. Черемисова слово отсутствует.

«В котел Мани налила из высокого узкого бочонка *курунгуи* — перебродившее молоко» (с. 186). Автор дает перевод слова «курунгуи» на русский язык. В словаре К. М. Черемисова: *хурэнгэ* — зап. курунга — молочный напиток вроде кумыса [5, с. 629].

«Так вот перед вами так называемый *сагаан эдеэн*, или, в разговорной речи, *сагаан эдеэн*, а еще проще *сагаан*» (с. 101). БЭС (словосочетание) автор употребляет без пояснений. В словаре К. М. Черемисова: *сагаан эдеэн* — молочная пища [5, с. 391].

«Сначала из молока, заквашенного особым образом, называемого *хурэнгэ*, гонят *архи*, потом из него перегоняют *арзу* — двойной перегон, а из *арзы* уже гонят *хорзу* — близкий к чистому спирту» (с. 65). Устами героя романа Дорондоева дается объяснение значений слов «хурэнгэ», «архи», «арза», «хорза». В словаре К. М. Черемисова: *арза* — два раза перегнанная молочная водка [5, с. 58], *хорзо* — молочная водка тройной перегонки [5, с. 588].

● названия **посуды**:

«*Ондре, успокоившись, встал и принес в деревянном **корытце-тэбиэ** конину*» (с. 13). Автор поясняет слово «тэбшэ» путем перевода на русский язык. В словаре К. М. Черемисова «**тэбиэ** — 1) небольшое корыто, 2) деревянное блюдо, 3) редко: кормушка» [5, с. 451].

«*Один конец этой трубы Мани вставила в отверстие на деревянном куполе-крышке, другой конец трубы — в горло чугунного кувшина, который стоял, погруженный в наполненную водой бочку — **тэбтэр***» (с. 145). Дается перевод слова на русский язык: **тэбтэр** — бочка. В словаре К. М. Черемисова слово отсутствует.

«*Молодая хозяйка поставила на стол деревянный жбан и одну деревянную же, похожую на среднеазиатскую пиалу, чашу — **такиу***» (с. 64). Слово поясняется путем перевода на русский язык: **такиша** — чаша. «*Савелий Григорьевич изумился: отделка жбана и **такии** была поистине поразительна по художественному совершенству. Мало того, что жбан высокий и узкий, с тоненьким горлышком, был вырезан из цельного дерева, похожего на карельскую березу. Он был отделан серебром, да так искусно. **Такиу** из того же материала мастер снабдил золотой оправой снизу и сверху и тремя ножками из сапфиров*» (с. 65). Автор дает детальное описание предмета, обозначаемого словом **такиша**. Употребляется слово в падежной форме и в женском роде в соответствии с нормами употребления в русском языке. В словаре К. М. Черемисова: «**такиша** — чашка (чайная), чашечка» [5, с. 410].

«*Перед ним **сара-аяга** — большая деревянная чаша*» (с. 55). Автор дает перевод слова **сара-аяга** на русский язык. В словаре К. М. Черемисова: «**сара-аяга** — большая чаша» [5, с. 38]. «*Савелий Григорьевич, приняв полную **аягу**, поднес ко рту и незаметно понюхал*» (с. 53). Слово **аяга** автор употребляет без пояснений в падежной форме и в женском роде в соответствии с нормами употребления в русском языке. В словаре К. М. Черемисова: «**аяга** — чаша, чашка; стакан, глубокая тарелка» [5, с. 69].

● названия **одежды**:

«*На нем не было халата — **тэрлика**, как на других, а лишь исподняя рубаха, когда-то белая, но принявшая неопределенный темно-серый цвет*» (с. 9). Слово **тэрлик** дается в переводе на русский язык — халат, в падежной форме. «*Она вошла, одетая в ярко-красный шелковый **тэрлик**, искусно вышитый, украшенный тонкими и хитрыми узорами*» (с. 78). Автор дает подробный комментарий слова «тэрлик». В словаре К. М. Черемисова: «**тэрлиг** — летний халат (на подкладке)» [5, с. 456].

«*Мне велели завтра надеть новое **хупахи** да как следует почистить на ней монеты*» (с. 62). «*По знаку отца она повернулась несколько раз — нигде на платье, на **хупахи** не было ни единого пятнышка*» (с. 241). БЭС «**хупахи**» автор употребляет без пояснений. В словаре К. М. Черемисова: «**хубайхи** (бох.) — женская телогрейка-безрукавка (парадная)» [5, с. 596].

«*На ногах же, в отличие от мягких бурятских **унтов**, в которых он приходил тогда к Ондре, — коричневые, хорошо начищенные сапоги*» (с. 60). В словаре К. М. Черемисова слово отсутствует.

«В те годы даже невеста в свой **хэхэнэг** — сумку из звериных шкур, лицевая сторона которой была отделана красивейшими узорами, — всовывала несколько стрел, кроме нужных ей вещей и предметов украшения» (с. 79). Автор поясняет слово путем перевода на русский язык: **хэхэнэг** — сумка из звериных шкур. В словаре К. М. Черемисова слово отсутствует.

● названия **жилья, мест и предметов в жилище, построек:**

«Во дворе возвышаются два амбара и завозня. В дальнем углу двора — восьмиугольная юрта, рядом с ней **харапиша**-сарай. К сараю примыкает **хотон** — длинное, темное, без окон помещение, в котором зимует скот» (с. 49); «Два больших, непомерной величины коровника — **хотона** — имели сообщение с внутренним двором» (с. 61). В данных примерах автор дает переводы слов на русский язык: **харапиша** — сарай и **хотон** — помещение для скота. В словаре К. М. Черемисова: «**Һарапиша** — навес; зап. сарай; козырек [5, с. 676]; «**хотон** — 1) загон, стайка, хлев; 2) стойбище, становище» [5, с. 592].

«За внешним двором имелась еще так называемая **түхэрен хурэ** — круглая изгородь, ограничивающая большую луговую площадь, куда ежегодно сотнями вожов вывозился навоз» (с. 61). Автор дает перевод словосочетания на русский язык: **түхэрен хурэ** — круглая изгородь. В словаре К. М. Черемисова: «**түхэрен хорёо** — круглая загородка (для скота) [5, с. 450].

«Здесь наша столовая в летнее время года, пока не перекочем в летники, **зухаланы**» (с. 45). В данном примере автор дает перевод на русский язык слова **зухаланы** — летники через приложение. В словаре К. М. Черемисова: «**зуһалан** — летнее местожительство, летнее стойбище; летовка; летник» [5, с. 265].

«Хозяин повел Савелия Григорьевича в **юрту**. Кузнецов с интересом оглядел это древнее сооружение, которое у всех народов Центральной Азии предшествовало появлению домов... Черный от сажи и копоти конус крыши из дранья с дымоходом в середине. Четыре круглых столба поддерживают этот конус... Пол **юрты** — плотно утрамбованная земля... На задней стене висит полный комплект древнего оружия: лук, колчан со стрелами, копье, заржавелый кинжал с рукоятью из слоновой кости и почему-то без ножен, длинное какое-то оружие, похожее на копье, но с крючком». Автор дает подробное описание БЭС «юрта». Дорондоев показывает Савелию Григорьевичу юрту, которая вызывает интерес у гостя.

«Гостей-стариков в жениховой юрте усадили на **барун тала**, по правую сторону от очага, замужних женицин — на **зун тала**, по левую сторону, а Мани вместе с девушками и парнями повели за ширму-**хушэгэ**» (с. 53). Автор через приложение дает перевод на русский язык слов **барун тала** (правая сторона), **зун-тала** (левая сторона), **хушэгэ** (ширма). В словаре К. М. Черемисова: «**барун** — 1) правый, 2) западный (6, с. 90), **тала** — 1) поле, степь, равнина, открытое пространство, 2) сторона, место» [5, с. 411]. **Зун** — левый. В словаре К. М. Черемисова слово отсутствует. «**Хүшэгэ** — 1) занавес, полог, занавеска; 2) театр. Занавес» [5, с. 637].

«— Бабушка, а почему у двери стоит **танха** и почему в ней палка?

– *Это хорюор когда кто-нибудь заходит в избу, он должен побарабанить о танху, — пояснила бабушка*» (с. 81). БЭС *танха*, *хорюор* автор употребляет без пояснений. В словаре К. М. Черемисова: «*танха* — чугунный кувшин (употребляющийся при выгонке молочной водки)» [5, с. 414]. Слово *хорюор* в словаре отсутствует.

«*Рядом с юртой стоял так называемый хара сол, или черный дом. Это был маленький дом, где обычно живет прислуга у богачей, а у тех, кто победнее, обычно содержатся ранние ягнята и телята, которым взбрело в голову родиться в неположенное и неудобное время, в зимние морозы*» (с. 88). В данном примере автор дает перевод на русский язык словосочетания «*хара сол*» через приложение *черный дом*. В словаре К. М. Черемисова: «*соол* — ал., тунк. изба, дом; ал., бох. печь, печка» [6, с. 391]; «*хара* — черный; темный» [5, с. 547].

«*В юрту вошли гости. Их посадили на хоймор — на почетное место в северной стороне юрты*» (с. 263). Автор дает перевод слова на русский язык: *хоймор* — почетное место. В словаре К. М. Черемисова: «*хоймор* — 1) северная сторона 2) перен. почетное место» [5, с. 577].

«*Питрэ слушает, полузакрыв глаза и слегка откинувшись в тэньги, к одному из четырех столбов, на которых держится крыша деревянной юрты*» (с. 181). Автор поясняет БЭС: *тэньги* — столб, опора для крыши юрты. В словаре К. М. Черемисова толкования этого слова нет.

«*Выйдя из хара-юрты, Мани медленно пошла по двору. Из саган-юрты раздавались громкие голоса, кто-то порывался петь, но никто не подхватывал*» (с. 98). БЭС «*хара-юрта*», «*саган-юрта*» автор употребляет без пояснений. В словаре К. М. Черемисова: *хара* — черный; темный [5, с. 547], *саган* — белый [5, с. 381].

«*Войдя, Сытин как-то странно огляделась, присела на абдар — длинный, почти во всю стену, сундук, всегда покрытый ковриком из звериных шкур*». Автор дает подробное пояснение слова *абдар* — длинный сундук. В словаре К. М. Черемисова: «*абдар* — 1) уст. ящик или короб с крышкой, ларь, сундук; перен. кубышка, копилка» [5, с. 24].

Как показывает анализ, язык произведения пронизывает безэквивалентная бурятская лексика. Эти слова выполняют большую нагрузку, используются с целью определенного художественного эффекта — создания национального колорита. Употребление бурятских слов позволяет в деталях воссоздать самобытную, неповторимую, достоверную региональную картину мира, погрузить читателя в жизнь и быт бурят, показать их традиции и обычаи, культуру, традиционный уклад; кроме того, использование этой лексики несет эстетические функции.

Хотя роман написан на русском языке, использованный автором прием — номинация местных реалий из жизни бурятской деревни — позволяет читателю представить национальную пространственную картину мира. Для номинации территориальной картины мира использована безэквивалентная бурятская лексика, которую можно назвать маркером регионального русского языка на территории Байкальского региона.

Итак, отличительной особенностью языка романа А. А. Бальбурова «Поющие стрелы» является наличие большого количества безэквивалентной лексики, включаемой в языковую ткань произведения путем перевода, приложений, пояснений, комментариев автора. Важно отметить, что исследование позволило выявить, что некоторые бурятские слова не зафиксированы в «Бурятско-русском словаре» К. М. Черемисова. Автор произведения дает их трактовку, что может помочь восполнить словарные значения. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что с лингвистической точки зрения язык романа А. А. Бальбурова «Поющие стрелы» отразил в себе черты регионального русского языка, в котором используется безэквивалентная бурятская лексика, отражающая территориальное варьирование русского языка.

Исследование языка региональных писателей билингвов является относительно новым направлением в лингвистике. Проведенное нами исследование позволило обнаружить, что язык русскоязычной художественной литературы, свободно использующий элементы из контактирующих с русским языком национальных языков, может быть достоверным источником для исследования регионального варьирования русского языка, поскольку сознательное, художественно мотивированное употребление заимствованных языковых единиц является нормой организации художественного текста. Изучение языка русскоязычных национальных писателей таит в себе большие возможности для новых исследований лингвистов и культурологов.

Литература

1. Бальбуров А. А. Поющие стрелы. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. — 528 с.
2. Гальченко И. Е. Статус слов северокавказского происхождения в русском языке // Вопросы языкознания. — 1979. — № 4. — С. 111–121.
3. Егодурова В. М. Региональные черты русского языка в Бурятии // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2013. — Вып. 10. — С. 62–65.
4. Егодурова В. М., Бабушкин С. М. Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2012. — Спецвып. А. — С. 84–91.
5. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. — М., 1973. — 804 с.

REFLECTION OF THE REGIONAL RUSSIAN LANGUAGE IN THE LITERARY WORK (BASED ON MATERIAL OF THE NOVEL "THE SINGING ARROWS" BY BURYAT WRITER A. A. BALBUROV)

Viktoria M. Egodurova

Dr. Sci. (Phil.), Prof., Department of Russian Language and General Linguistics,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: egodurova52@mail.ru

The article identifies the regional features of the Russian language in the novel "The Singing Arrows" by Buryat writer A. A. Balbuurov. The linguistic analysis of the literary work have shown the elements of the Buryat language. The novel may be a reliable source for studying regional variations of the Russian language, as conscious, artistically motivated use of the borrowed words by the author is a means for realistic description

of the events that have occurred in the Buryat village. Linguistic borrowings allow him to recreate the traditional authentic way of life of the Buryats in details, as well as to describe the situations of interlanguage contacts of the heroes — native speakers of Buryat and Russian. The study have led to the conclusion that the language of the novel "The Singing Arrows" with non-equivalent Buryat lexicon, used for illustration of the territorial worldview, is a reflection of the regional Russian language.

Keywords: the regional Russian language; Baikal region; Russian-language literature; bilingual writers; regional Russian language markers; national worldview; non-equivalent Buryat lexicon; household vocabulary; national colour; regional variations of the Russian language.